

I 317.

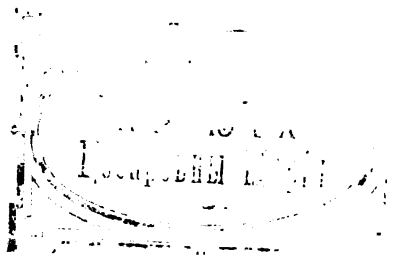
**ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНІЕ,**

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

**САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.**

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1859.

О ПОСЛѢДНЕЙ ПОПЫТКѢ РАСКОЛЬНИКОВЪ НАЙТИ СЕБѢ ЕПИСКОПА.

Раскольники, отдѣляясь отъ Церкви православной, отнюдь не имѣли въ виду возставать противъ правилъ и уставовъ церковныхъ, — напротивъ провозгласили свое общество единою истинною Церковію, въ которомъ эти уставы и правила предназначены къ неизмѣнному сохраненію во всей ихъ первоначальной цѣлости и чистотѣ. Неудивительно поэтому, если мысль имѣть своего собственнаго епископа, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть истинной Церкви, всегда была у раскольниковъ. По счастью для православія, расколъ при своемъ появленіи не увлекъ никого изъ тогдашнихъ русскихъ епископовъ, кромѣ несчастнаго Павла коломенскаго ⁽¹⁾, который въ тоже время былъ лишенъ сана, сосланъ (въ 1655 г.) въ палеостровскій монастырь (на онежскомъ озерѣ) на заточеніе и тамъ вско-

---

(1) Раскольники утверждаютъ (см. рукоп. «сказаніе о страданіи и о скончаніи священномученика Павла коломенскаго» стат. 8; Виноград. Рос. Денисова л. 16), будто на ихъ сторонѣ во дни Никона кромѣ Павла Коломенскаго, находились еще три іерарха: митрополитъ новгородскій Макарій, архіепископъ вологодскій Маркелъ и епископъ вятскій Александръ; но это несправедливо (см. Истор. рус. раск. преевс. Мак. стр. 192. 1855 г.)

рѣ (1656 г.) умеръ (*). Такимъ образомъ съ притязаніями быть единою истинною Церковію расколъ на первомъ, такъ сказать, шагу увидѣлъ себя лишеннымъ главнаго, краеугольнаго основанія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть истинной Церкви, т. е. священства и неразрывно соединенныхъ съ нимъ прочихъ церковныхъ таинствъ. Это обнаружилось со всею неотвратимою бѣдственностію своихъ послѣдствій, особенно тогда, когда вымерли всѣ священники, рукоположенные до Патріарха Никона (*), съ которыми, по мнѣнію раскольниковъ, погибла всякая истина и всякая святыня въ Церкви русской. Что тогда оставалось дѣлать? Одни изъ раскольниковъ, болѣе ожесточенные фанатики, рѣшили, что поелику неоткуда брать правильно поставленныхъ священниковъ, такъ какъ нѣтъ уже нигдѣ православныхъ епископовъ, то не остается ничего болѣе, какъ обходиться вовсе безъ священства, а слѣдовательно и безъ таинствъ, для которыхъ священство необходимо: отсюда произошла такъ называемая безпоповщина (*). Другіе не столь отчаянные,

---

(*) О смерти Павла коломенскаго раскольники говорятъ различно: Денисовъ (Виногр. Рос. л. 26) повѣствуетъ, что Павелъ находился въ палеостровскомъ монастырѣ не мало времени, но «въ сказаніи о страданіи и о скончаніи священномученика Павла коломенскаго» (рукоп. библ. преосв. Макарія харьков. № 46, ст. 8) прямо указывается 1656 годъ смерти Павла.

(*) Послѣдній священникъ стараго до-никоновскаго посвященія, державшійся раскола, былъ Феодосій изъ города Рыльска, рукоположенный будто бы самимъ патріархомъ Іосифомъ (Истор. о бѣгствующемъ священствѣ Ив. Алексѣева).

(*) Впрочемъ безпоповцы отвергли не всѣ таинства, а только тѣ, которыхъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ совершать мирянинъ, именно: миропомазаніе, евхаристію, священство, бракъ и елеосвященіе; крещеніе же и покаяніе, которыя, будто бы, можно совершать и простому

чтобы сохранить себѣ употребленіе таинствъ, отъ которыхъ совершенно отречься не доставало у нихъ дерзости, согласились принимать къ себѣ новопоставленныхъ въ православной Церкви священниковъ — съ тѣмъ только, чтобы эти священники были непремѣнно бѣглые и потомъ, въ знакъ совершеннаго разрыва съ оставленною ими Церковію, перекрещены или по крайней мѣрѣ перемазаны вновь муромъ ('): это образовало такъ называемую поповщину. Но ни то, ни другое, очевидно, не могло быть успокоительно; ни то, ни другое не давало скопищамъ изувѣровъ не только сущности, но и благовидности правильного церковнаго устройства. Въ самой поповщинѣ не могло заглушиться сознание того, что бѣглые попы, сколько ихъ ни крести и не мажь, самымъ побѣгомъ своимъ отъ посвятившей ихъ Церкви уничтожаютъ полученное ими посвященіе, что слѣдовательно они не суть истинные священники, а потому и совершаемыя ими таинства не суть истинныя таинства, но поруганіе святыни. За такимъ сознаніемъ неизбѣжно должно было послѣдовать самое настойчивое домогательство — въ особенности со стороны поповцевъ — промыслить, во что бы то ни стало, собственнаго архіерея, «да скопищамъ ихъ

вѣрующему, у нихъ существуютъ (см. книгу: «о скрытіи священства и прекращеніи безкровныя жертвы во время всемірнаго вѣры отступленія», — сборн. нашей акад. библіот. № 8-й).

(') Раскольники, по крайней мѣрѣ Вѣтковцы, до самаго попа Θεодосія, всѣхъ приходящихъ къ нимъ, и мирянъ и бѣглыхъ священниковъ, перекрещивали (Истор. рус. раскола преосвщ. Макарія стр. 297, 1855 г.). — на Иргизѣ и рогожскомъ кладбищѣ принимали чрезъ муромомазаніе (см. Сборн. библ. с.н.б. свщ. Н. Верховскаго № 12 стр. 68), въ Стародубѣ ограничивались однимъ проклятіемъ мнимыхъ ересей (Истор. руск. раскола стр. 318).

образъ и видъ правильнаго законнѣ рукоположеннаго священства пріобрѣтается» (1). И вотъ потянулся длинный рядъ попытокъ и усилій, наполнившій прошлое столѣтіе многими, частію смѣшными, но болѣе жалкими и отвратительными исторіями, театръ которыхъ былъ болшею частію за границей (по тому времени), но которыя тѣмъ не менѣе нарушали и внутренній миръ Россіи. Въ то время главное гнѣздо поповщины находилось за тогдашнимъ польскимъ рубежемъ — на Вѣткѣ, рукавѣ рѣки Сожи, недалеко отъ мѣстечка Гомеля, въ нынѣшней могилевской губерніи. Тамъ, подъ покровительствомъ помѣщика пана Халецкаго, собралась многочисленная толпа раскольниковъ изъ всѣхъ странъ Россіи, для которыхъ бѣглые попы стараго до-никоновскаго рукоположенія выстроили церковь и освятили (въ 1696 г.) на украденномъ, тоже старомъ, до Никона освященномъ антиминсѣ. При этой-то церкви, бывшей и безъ того уже какбы митрополіей всего раскольниковскаго міра секты поповщинской, рѣшено было завести раскольниковскую епископскую кафедру. Вслѣдствіе такого рѣшенія въ 1730 году Вѣтковцы вмѣстѣ съ діаконцами обратились къ молдавскому митрополиту Антонію съ просьбою посвятить имъ изъ среды ихъ епископа; а въ 1731 г. игумень вѣтковскаго монастыря Власій отъ лица всего собора писалъ о томъ же яскому господарю. Подкрѣпленное всякаго рода происками дѣло пошло на ладъ и, конечно, совершилось бы, если бы, по счастью, константинополь-

(1) «Повѣсть краткая и достовѣрная о раскольникахъ, на соблазнъ и позоръ православныя нашея восточныя Церкви въ сія послѣднія времена проищающихся» — Платона Леонаковича, епископа будимскаго, изд. 1848 г. стр. 12.

скій патріархъ, заблаговременно предупрежденный, не успѣлъ своимъ запрещеніемъ разстроить умыселъ изувѣровъ (¹). Но неудача не прекратила, а только измѣнила планъ ихъ дѣйствій. Около этого времени желанный кладъ самъ дался въ руки раскольникамъ въ лицѣ святотатца Епифанія, монаха козельскаго монастыря кievской епархіи, который, будучи обличенъ въ нечистой жизни, бѣжалъ за границу съ поддѣланною фальшивою грамотою, будтобы отъ тогдашняго кievскаго архіепископа, желавшаго имѣть его своимъ викаріемъ, и на основаніи этой грамоты дѣйствительно посвятился (22 Іюля 1724 г.) въ Яссахъ во епископа чигиринскаго, послѣ чего, водворясь на Вѣткѣ, началъ ставить поповъ, и діаконовъ, рассыпавшихся оттуда не только по всему Зарубежью, но и внутрь Россіи. Нѣсколько разъ этотъ лже-епископъ былъ схватываемъ русскимъ Правительствомъ и нѣсколько разъ изъ-подъ крѣпкаго караула имѣлъ искусство спастись бѣгствомъ назадъ — въ свою зарубежную берлогу, гдѣ, не смотря на торжественное снятіе съ него не только святительскаго сана, но и самаго священства и даже монашества, былъ принимаемъ и распоряжался, какъ истинный епископъ, пока наконецъ въ послѣдній разъ пойманный въ 1735 г. не былъ засажень въ кievскую крѣпость, въ которой и кончилъ (1 Іюля того же года) многмятежную жизнь свою (²). Прошло послѣ того лѣтъ пятнадцать, и у Вѣтковцевъ около 1750 года явился другой бѣглець изъ Россіи, изъ воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря, по имени

(¹) Истор. русск. раск. преосв. Макара. стр. 347—8, 1855 г.

(²) Полное историч. извѣст. о раскольникахъ — Іоаннова стр. 228—243, 1799 г.

Аѣиногенъ. «Сей, іеродіаконъ точію сый, ниже и вида посвященія архіерейскаго промыслии потщася» (1), т. е. не заблагоразсудилъ вовсе и хлопотать о какомъ бы то ни было посвященіи, а прямо выдалъ себя за епископа и началъ дѣйствовать по-архіерейски. Этотъ полный самозванецъ не ограничился поставленьемъ только поповъ и діаконѡвъ. Нѣкто Анеимъ, инокъ изъ простыхъ мужиковъ, проживавшій въ поповщинскихъ скитахъ, купилъ себѣ у Аѣиногена санъ архимандрита, а потомъ захотѣлъ и епископства. Получивъ двѣнадцать червонцевъ, бродяга не отказалъ Анеиму и въ этомъ. Къ довершенію нечестія и соблазна, оба изувѣра распорядились такъ, что это послѣднее поруганіе святыни должно было быть совершено ими заочно. Въ назначенный день и часъ Аѣиногенъ, находившійся въ то время въ Валахіи, куда онъ удалился, вѣроятно, въ надеждѣ лучше скрыть свое самозванство, общался читать посвятительныя молитвы, а Анеимъ, оставившійся на Вѣткѣ, долженъ былъ возлагать на себя архіерейскія одежды. Между тѣмъ слухъ о самозванствѣ самага Аѣиногена началъ распространяться и колебать довѣріе къ нему раскольниковъ. Почувявъ бѣду, обманщикъ убрался заблаговременно изъ Валахіи въ Польшу, и тамъ, сбросивъ маску, вступилъ въ военную службу. Уже онъ разгуливалъ въ польскомъ кунтушѣ, препоясавшись мечемъ, оголя борѡду и «съ люлею табачною во устахъ», какъ наступилъ срокъ, условленный съ Анеимомъ. Не зная еще ничего о случившемся, тотъ, по условію, облачился въ архіерейскія одежды и началъ — себѣ святительствовать, какъ

(1) Плат. Аѣопацк. стр. 13.

настоящій епископъ. Съ одной стороны наглость, съ другой — невѣжество и упрямство дошли до того, что когда наконецъ вся исторія самозванца Аѣиногена огласилась, новый самозванецъ Анѣимъ, «принмшій таковое безобразное посвященіе» (¹), продолжалъ выдавать себя за архіерея и даже нашелъ себѣ не мало приверженцевъ. Кончилось однако тѣмъ, что раскольники — казаки, жившіе тогда подъ покровительствомъ турецкимъ, къ которымъ Анѣимъ удалился потому, что на Вѣткѣ сталъ встрѣчать мало себѣ довѣрія, принявъ сначала этого святотатца со всѣми почестями, потомъ, когда узнали истину, утопил его въ Днѣстрѣ (²). Съ тѣхъ поръ никому не приходило болѣе охоты повторять комедію самозванства, разыгравшуюся такъ трагически. Но усилія добыть себѣ настоящаго епископа, какъ бы то ни было, только дѣйствительно посвященнаго, долго еще колебали не только поповщину, но и нѣкоторые толки безпоповщинскіе, которые для большаго успѣха въ своихъ затѣяхъ соединялись съ поповцами. Въ 1765 году, въ Москвѣ, съ согласія обѣихъ кладбищъ — поповщинскаго рогожскаго и безпоповщинскаго преображенскаго, образовалась было чудовищная затѣя — тайнымъ, воровскимъ образомъ совершить посвященіе епископа чрезъ возложеніе руки св. митрополита Іоны, мощи котораго почиваютъ въ успенскомъ соборѣ. Уже сдѣланы были всѣ приготовленія, — между прочимъ устроена богатая архіерейская ризница; только остатки ли совѣсти, убоявшейся посягнуть на такое безпримѣрное оскорбленіе святыни, или страхъ наказанія, которое не замедлило бы по-

(¹) Тамъ же стр. 14 и 15.

(²) Полн. истор. изв. — Іоаннов. стр. 285 — 306.

стигнуть совершившееся преступленіе, удержали изувѣровъ отъ послѣдняго окончательнаго шага (¹). Пошли происки опять то за границей: въ Крыму и въ Грузіи, тогда еще не принадлежавшихъ Россіи, — въ Польшѣ и другихъ странахъ, то въ самой Россіи, и все безъ успѣха (²). «Никто же бо дерзаше пойти на совѣтъ нечестивыхъ, ниже предстояти на пути безумныхъ и на сѣдалищи зловѣрныхъ начальствовать» (³). Съ воцаренія императрицы Екатерины II-й, когда строгость мѣръ по отношенію къ раскольникамъ была довольно ослаблена и они приобрѣли большую возможность снабжать себя бѣглыми попами, — волненіе по поводу епископства начало мало по малу стихать между раскольниками. Можно было думать, что послѣ столькихъ неудачъ изувѣры совершенно оставлятъ свои затѣи объ отысканіи себѣ епископа, по тому простому соображенію, что «аще бы въ мудрованіяхъ своихъ правую стезею шествовали, не бы таковой позоръ и срамъ на ня пришелъ былъ по реченному: всякъ со вѣтъ, иже отъ Бога есть, станетъ, а всяко дѣло, еже нѣсть отъ Бога, раззорится» (⁴). Особенно въ настоящій вѣкъ, — вѣкъ повсюднаго порядка и благоустройства гражданскаго, подобная попытка казалась бы несовременною. Къ удивленію, она не только возобновилась, но и увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ. Дѣло происходило за границей — между раскольниками, живущими внѣ предѣловъ отечества, и потому прежде,

(¹) Истор. русск. раск. преосвящ. Макара. стр. 352 — 3.

(²) См. обо всѣхъ этихъ проискахъ у Іоаннов. въ его истор. изв. стр. 362 — 363.

(³) Плат. Авананк. стр. 12.

(⁴) Тамъ же стр. 15.

чѣмъ станемъ излагать исторію этого событія, считаемъ не излишнимъ предварительно сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ заграничныхъ раскольникахъ, которые были главными виновниками учрежденія раскольничей епископской каеэды въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Съ самаго происхожденія раскола, изувѣры, зараженные имъ, отлагаясь отъ сыновняго повиновенія Церкви, начали съ тѣмъ вмѣстѣ отлагаться и отъ вѣрноподданническихъ обязанностей къ отечеству. Еще въ колыбели расколъ поднялъ знамя открытаго бунта противъ Церкви и престола изъ-за стѣнъ соловецкаго монастыря (¹). Потомъ въ нѣсколько лѣтъ онъ дошелъ до такой наглости, что въ лицѣ буйныхъ стрѣльцовъ дерзнулъ разбить (1682 г.) мятежническій таборъ свой внутри самаго Кремля, у священныхъ воротъ успенскаго собора, предъ царственными ступенями краснаго крыльца (²). По счастью въ это время спасительныя бразды самодержавія находились въ рукахъ Великаго Петра. Рѣшительными мѣрами мятежь былъ обезоруженъ, обезглавленъ, задушенъ, только, къ сожалѣнію, не въ сердцахъ мятежниковъ (³). Видя не-

---

(¹) Начало возстанія въ соловецкомъ монастырѣ восходитъ еще къ 1656 году, когда присланы были въ монастырь при указѣ царскомъ первыя новоисправленныя богослужебныя книги (Солов. Лѣт. подъ 1656 г.); но бунтъ соловецкій начался 1669 г. 7-го марта (Чтен. Москов. Истор. Общ. 1846, № 3, отд. 1, стр. 36).

(²) Подробно см. объ этомъ въ Ист. русск. раск. пр. Макарія стр. 219 — 235.

(³) Хотя Петръ былъ провозглашенъ самодержавнымъ государемъ еще въ 1682 г., но стрѣлецкій раскольничій мятежь 1682 г. былъ укрошенъ собственно Софіею, бывшею въ то время правительницею государства за слабостію Іоанна и малолѣтствомъ Петра (Рус.

возможность бороться съ порядкомъ идей и вещей, имъ ненавистнымъ, ожесточеннѣйшіе изъ раскольниковъ, дерзнувъ бессмысленно опозорить преобразователя Россіи именемъ антихриста (¹), принесли въ жертву злобѣ безсиьной, но непримиримой всѣ узы, привязывающія къ отечеству. Многочисленными толпами они стали покидать родную землю и переселяться за рубежи шведскій, польскій, турецкій. Такъ произошли раскольники «зарубежные» или заграницные. Первоначальные притоны раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ отечества, располагались не очень далеко: на берегахъ Ладоги, Пейпуса, въ лѣсахъ брынскихъ и стародубскихъ, на степной опушкѣ казацкой Украйны. Но потомъ, когда, по благимъ и неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, Россія начала расти и раздвигаться во всѣ стороны быстрыми, исполинскими шагами, раскольники, оставившіе отечество, бѣжали все дальше и дальше и наполнили собою постепенно, послѣ нынѣшнихъ нашихъ западныхъ губерній, смежные съ россійской имперіей округи восточной Пруссіи, предгорья Карпата въ австрійской Галиціи и обонхъ дунайскихъ княжествахъ, наконецъ самое Задунавье, гдѣ и хребетъ Балкана не положилъ имъ преграды, гдѣ раскольники, гонимые паническимъ страхомъ побѣдъ русскихъ, разсыпались до береговъ Архипелага и Мраморнаго моря, перебрались даже чрезъ Босфоръ въ Малую Азію. Но такъ

Вѣстн. 1856 г. т. II. стр. 386 — 401). Петръ каралъ буйныхъ, зараженныхъ расколомъ стрѣльцовъ уже послѣ того, какъ Софія, поддерживавшая мятежниковъ, была удалена отъ правленія.

(¹) Раскольники называли Петра антихристомъ за то особенно, что онъ перенесъ празднованіе новаго года съ 1-го сентября на 1-е января и тѣмъ будто бы переѣтилъ времена и законъ (Дав. 7, 28).

какъ событіе, исторію котораго мы намѣрены изложить, совершилось по проискамъ раскольниковъ, живущихъ собственно въ австрійскихъ владѣніяхъ; то, не касаясь другихъ заграничныхъ раскольниковъ, мы сообщимъ краткія свѣденія только о раскольникахъ австрійскихъ (').

Такъ называемая Буковина или черновецкій округъ королевства галиційскаго есть единственный уголокъ владѣній австрійскихъ, гдѣ живутъ раскольники. Здѣсь они населяютъ три большихъ слободы: Бѣлую Крилицу (по молдавски: Фонтана Алба, что значитъ: бѣлый ключъ или источникъ), Климовцы (по мѣстному произношенію Климоуць), Соколицы (по туземному: Миттока Драгомирна, т. е. помѣстье монастыря Драгомирны) и одну небольшую деревушку, называющуюся, по рѣчкѣ, при которой лежитъ, Мехрида или Мехидра. Какъ велико число раскольниковъ въ Буковинѣ, точно опредѣлить нельзя (²); несомнѣнно только то, что большая ихъ часть находится въ двухъ смежныхъ слободахъ: бѣло-крилицкой и климовецкой, которыя поэтому можно считать главнымъ, основнымъ гнѣздомъ австрійскихъ раскольниковъ. Гнѣздо это ближе обоихъ остальныхъ селеній къ Черновцамъ или Черновцу —

(¹) Свѣдѣнія объ австрійскихъ раскольникахъ мы заимствовали: 1) изъ указанной выше повѣсти Платона Аеанацковича, 2) изъ «книги» іеромонаха Пареевца «о Промыслѣ Божіемъ» (изд. 1857 г.) и особенно 3) изъ одной рукописи «о заграничныхъ раскольникахъ».

(²) Преосвященный Платонъ Аеанацковичъ сообщаетъ объ этомъ разнорѣчивыя свѣденія. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 20) онъ говоритъ, что всѣхъ раскольниковъ, живущихъ въ Бѣлокрилицѣ, Климовцахъ и Миттокахъ, 2016 человекъ; въ другомъ (стр. 35), — что во всей Буковинѣ число раскольниковъ простирается до 2500.

окружному городу Буковины, и именно верстахъ въ 30-ти; а потому оно ближе всѣхъ и къ границѣ русской, отъ которой городъ Черновцы отстоитъ также на 30-ть верстъ (¹). Всѣ буковинскіе раскольники извѣстны здѣсь подѣ общимъ именемъ Липованъ (иногда зовутся и Филиппонами): они суть чистые Русскіе, выходцы изъ самаго сердца Россіи (²); національность русская со всѣми мельчайшими подробностями и оттѣнками до сихъ поръ пребываетъ у нихъ въ такой чистотѣ и чистотѣ, какую въ настоящее время не вездѣ можно найти и въ самой Россіи, — такъ что посреди Русиновъ, Молдаванъ, Поляковъ и Нѣмцевъ, изъ которыхъ состоитъ населеніе края, буковинскіе Липованы кажутся какбы выходцами изъ другаго свѣта. Главное занятіе буковинскихъ раскольниковъ состоитъ въ земледѣліи, хотя, по русскому обычаю, а также по недостатку земли (³), они не чуждаются и другихъ промысловъ на сторонѣ.

(¹) Рукопись о загранич. раск.

(²) Плат. Азанауков. стр. 20 — 21.

(³) По переселеніи раскольниковъ съ Дуная въ Буковину, австрійское правительство давало имъ земли столько, сколько раскольники пожелаютъ сами. Но изувѣры, хотя сами жили съ женами и имѣли дѣтей, рѣшили, по переселеніи въ австрійскія владѣнія, не позволять дѣтямъ брачнаго сожитія, и потому взяли земли столько, сколько нашли нужнымъ только для себя и своихъ семействъ, не думая о будущемъ. Когда же, вопреки желаніямъ родителей, дѣти стали вступать въ браки, отъ которыхъ произошли новыя дѣти, и такимъ образомъ раскольническое народонаселеніе въ Буковинѣ годъ отъ году стало болѣе и болѣе увеличиваться, земли стадо мало. Между тѣмъ австрійское правительство, оставляя за Липованами неизмѣнно всѣ данныя имъ въ началѣ привиллегіи, не даетъ имъ никакихъ новыхъ; отъ чего хотя, въ теченіе болѣе полувѣка число Липованъ значительно умножилось путемъ естественныхъ рожденій, а также и новыми выходцами изъ Россіи и другихъ странъ, оно, не уве-

Трудно сообщить достовѣрныя и опредѣленныя свѣденія о времени, въ которое буковинскіе раскольники оставили родную Русь и поселились внѣ ея предѣловъ ('). Въ отношеніи же къ водворенію ихъ на настоящихъ мѣстахъ жительства, старѣйшими всѣхъ считаютъ себя жители Соколинцевъ или Миттоки Драгомирны. У нихъ хранится преданіе, будто бы праотцы ихъ поселились здѣсь еще до присоединенія Буковины отъ Молдавіи къ Австріи, что, какъ извѣстно, случилось въ 1776 или 77 году, въ царствованіе императрицы Маріи Терезіи (ум. 1780 г.). Что же касается до жителей другихъ слободъ: Бѣлокриницы и Климовцевъ, равно такъ и выселенцевъ мехидрскихъ; то они помнятъ, что пришли сюда уже подъ владычествомъ австрійскимъ, именно въ 1783 году, и притомъ не прямо изъ Россіи, а изъ владѣній турецкихъ, съ береговъ Дуная ("). Поводомъ къ переселенію ихъ оттуда была, говорятъ, услуга, оказанная ими на Дунаѣ одному изъ важныхъ имперскихъ, министровъ, котораго австрійскій императоръ послалъ однажды промѣрить Дунай и узнать его глубину отъ Вѣны до самаго Чернаго моря. Во время этого занятія министръ вмѣстѣ съ подчиненными ему чиновниками были замѣчены

личивъ ни крейцеромъ положеннаго на нихъ оброка, не увеличилъ въ то же время ни пядью и земли, представленной имъ первоначально въ пользованіе. Это-то и заставило нѣкоторыхъ Липованъ селиться во владѣніяхъ помѣщичьихъ, какъ поступили жители Мехидры, поселившіеся на землѣ, принадлежащей туземному помѣщику Борю Йордану Васильчуку (Иером. Пар. стр. 195 — 98. 201).

(') Преосвященный Платонъ Аванаквичъ говоритъ (стр. 20) объ этомъ глухо и неопредѣленно, дѣлая общее замѣчаніе, что Липованы буковинскіе «отдавна изъ отечества своего тайно отбѣгли».

(") Рукоп. о загранич. раскольникахъ.

Турками и, безъ всякаго сомнѣнія, попали бы въ плѣнъ, если бы жившіе на Дунаѣ раскольники не подоспѣли и обманомъ не выручили ихъ изъ бѣды (¹). Въ благодарность за такую услугу министръ, согласно просьбамъ своихъ спасителей, выхлопоталъ для ихъ единовѣрцевъ, жившихъ въ Буковинѣ, весьма важныя преимущества. Желая воспользоваться этими преимуществами, раскольники, жившіе во владѣніяхъ турецкихъ, переселились въ Буковину. Сколько правды въ этомъ преданіи, трудно сказать; несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что буковинскіе Липованы по-нынѣ пользуются чрезвычайными льготами и преимуществами, изображенными въ декретѣ, дарованномъ имъ отъ императора Іосифа II-го въ 1781 году (²). По силѣ этого декрета, Липованы за пользованіе землею, на которой живутъ и воздѣлываніемъ которой питаются, не платятъ ничего, кромѣ однажды установленнаго, изумительно малаго и почти ничтожнаго оброка: затѣмъ они освобождены отъ всѣхъ прочихъ государственныхъ и земскихъ повинностей, какъ денежныхъ такъ и натуральныхъ, изъяты изъ общаго закона конскрипціи и рекрутства (³). Получивъ оброкъ, выплачиваемый общинами въ массѣ, правительство вовсе не касается Липованъ, предоставляя имъ самимъ всѣ заботы и распоряженія по внутреннему управленію общинъ, не только хозяйственному, но и полицейскому. И нужно сказать, что

(¹) Гером. Паро. стр. 194.

(²) Декретъ этотъ написанъ былъ золотыми буквами (Гером. Паро. стр. 195); подлинникъ его хранится въ Миттовѣ Драгомиряѣ, что можетъ служить новымъ подтвержденіемъ старѣйшинства этой слободы предъ всѣми остальными (Рукоп. о загран. раскольникахъ).

(³) Тамъ же стр. 195.

буковинскіе раскольники не употребляютъ во зло такой снисходительности къ нимъ правительства. При всей независимости отъ общихъ условій мѣстнаго порядка, устройства и быта, они не только не допускаютъ у себя никакихъ беспорядковъ, тѣмъ болѣе пороковъ и преступленій, напротивъ отличаются трудолюбіемъ, трезвостію и вообще самымъ кроткимъ поведеніемъ, — такъ что правительство не можетъ нахвалиться ихъ миролюбивыми нравами ('). И если случаются у нихъ какіе-либо беспорядки, то виновниками ихъ всегда бываютъ не туземцы, но такъ называемые здѣсь «свѣжаки», т. е. новые выходцы изъ Россіи и другихъ странъ. Эти выходцы, изъ которыхъ большая часть бываетъ самыхъ дурныхъ свойствъ, пьяницы, моты, тунеядцы, «всякаго честнаго труда чуждающіеся, и хлѣбъ въ потѣ лица своего снѣдати отнюдь не хотящія, — службы подданническія и прочихъ законныхъ обязанностей избѣгающія», а другіе «явніи преступницы и злодѣи, грозящаго си праведнаго суда и наказанія бѣгствомъ избегающія» (*), — часто появляются въ Буковинѣ и, какъ представители Россіи, хотя и недостойные, охотно принимаются Липованами, не смотря на всѣ мѣры противъ этого Правительства, которое вовсе не расположено давать у себя пріютъ людямъ бѣглымъ и безпаспортнымъ. Конечно, въ томъ, что нѣсколько бродягъ находятъ себѣ убѣжище у своихъ собратій по происхожденію и вѣрѣ, еще нѣтъ большой важности; но главное зло въ томъ, что эти бродяги бываютъ если не отъявленные негодяи, то не-

(') Рукоп. о загранич. раскольникахъ.

(*) Плат. Азовск. стр. 21.

преимущественно всё безъ исключенія отчаянные интриганты, подстрекатели страстей, сѣятели смутъ и козней, которые ради своихъ выгодъ, чтобы придать себѣ больше значенія и вѣсу, стараются намѣренно раздражать и приводить въ безпокойную дѣятельность фанатизмъ туземныхъ Липованъ, которою потомъ и заправляютъ. Имъ-то собственно, а не природнымъ буковинскимъ Липованамъ, у большей части коихъ самый фанатизмъ, не встрѣчая ни откуда не только противодѣйствія, но даже и противорѣчія, спитъ въ блаженномъ самодовольствѣ, принадлежитъ, какъ увидимъ ниже, затѣя и хлопоты объ учрежденіи въ Бѣлокриницѣ епископской катедры для всѣхъ обитающихъ внѣ и внутри Россіи раскольниковъ (¹).

Большая часть буковинскихъ раскольниковъ принадлежитъ къ такъ называемой сектѣ поповщинской, — къ согласію Черноболецевъ. Переселившіеся изъ турецкихъ владѣній въ Буковину раскольники были тѣ самые Чернобольцы, которые во второй половинѣ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ своимъ основателемъ Иларіономъ Петровымъ, по прозванію Коровья-Ножки, оставили Черноболь и переселились на Дунай. Поповцы населяютъ исключительно слободы-бѣлокриницкую и Миттоку Драгомирну. Къ сектѣ безпоповщинской относится семействъ около 30-ти въ слободѣ Климовецкой (²). Послѣдователи той и другой секты равно пользуются привилегіями Липованъ въ отношеніи къ общественному и гражданскому быту. Въ послѣднее время между буковинскими Липованами появились признаки, свойственные хлыстовщинѣ и даже скопе-

(¹) Рукопись о заграничн. раскольникахъ.

(²) Гермои. Паревн. стр. 194 — 200.

честву. Но зло немедленно обратило на себя вниманіе Правительства; уличенные скопцы всѣ безъ изъятія были изгнаны изъ владѣній австрійскихъ, а на будущее время послѣдовало строжайшее запрещеніе впускать въ предѣлы имперіи подобныхъ уродовъ, и для этого приказано осматривать на границѣ всѣхъ, кто будетъ заподозрѣнъ въ оскопленіи, — распоряженіе, принятое съ благодарностію самими Липованами (1).

Къ числу привилегій, которыми пользуются буковинскіе раскольники по декрету 1781 года, относится и то, что имъ дана полная свобода вѣроисповѣданія и богослуженія съ правомъ имѣть своего священника, по собственному выбору и приглашенію. Поэтому въ слободѣ бѣлокриницкой, которую можно назвать митрополіею раскольниковъ въ Буковинѣ, издавна существовала приходская церковь во имя Космы и Даміана, которую освятилъ на украденномъ изъ Россіи антиминосѣ какой-то бѣглый попъ (2). Приходъ этой церкви до 1846 года составляли всѣ буковинскіе раскольники поповщинской секты, а священники къ ней пріобрѣтались изъ Россіи. Это дѣлалось съ вѣдома Правительства и стоило Липованамъ не малыхъ хлопотъ и издержекъ. Потому что, не смотря на значительныя выгоды, какія доставляло званіе, единственнаго для всѣхъ туземныхъ раскольниковъ секты поповщинской, священника, бѣглые попы жили въ Буковинѣ не долго, года три — четыре, а потомъ, набивъ карманъ, также воровски, какъ приходили, убѣгали въ другое какое-либо мѣсто (3). Причиной

(1) Рукоп. о загранич. раск.

(2) Плат. Аванасков. стр. 20.

(3) Рукоп. о загранич. раскольникахъ.

этого служило, вѣроятно, своеволие раскольниковъ, которые видятъ въ своихъ понахъ только машину для исправленія церковныхъ требъ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ не даютъ имъ никакого значенія и вліянія ⁽¹⁾. Въ то время, какъ хлопотали буковинскіе Липованы объ учрежденіи епископской кафедрѣ въ Бѣлокриницѣ, священникомъ при этой церкви былъ черныи попъ, т. е. іеромонахъ, по имени Іеронимъ,—человѣкъ весьма недалекій въ умственномъ отношеніи, но хитрый и лукавый ⁽²⁾. Кромѣ того въ Бѣлокриницѣ находится обширный монастырь, въ устроеніи котораго участвовалъ извѣстный уже намъ іеромонахъ Пареевій, еще до обращенія своего къ Православію; въ монастырѣ также находится церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которую освятили два бѣглыхъ іеромонаха: Ириней и Мануалъ ⁽³⁾. — Въ 1844. году число старцевъ бѣлокриницкаго монастыря простиралось до 20 человекъ; ⁽⁴⁾ большая ихъ часть состояла изъ туземцевъ, но и между ними главную роль играли въ то время такъ называемые «свѣжаки»,—выходцы, вновь прибѣгающіе изъ Рос-

---

⁽¹⁾ Поповцы, говорятъ одинъ безпоповецъ, принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ поповъ не для того, чтобы повиноваться имъ, но чтобы самими господствовать надъ ними, такъ что у нихъ «не іерейства держится народъ, а народъ держитъ іерейство, и не іерейству послѣдуетъ народъ, но іерейство послѣдуетъ народу, и что кошетъ народъ, то и творитъ іерейство, не волею, но сластолюбія ради и богатства» (см. Сборн. начинающійся исторіею о бѣгствующ. священствѣ, въ статьѣ: «окончаніе глаголовъ о іерействѣ», № 7-й нашей библиот.).

⁽²⁾ Рук. о загранич. расколіи.

⁽³⁾ Іером. Пареев. стр. 37 и 200 201.

⁽⁴⁾ Рукопис. о заграничн. раскольникахъ.

си и других мѣсть. Таковы именно были въ сороковых годахъ: настоятель бѣлокриницкаго монастыря, по имени Геронтій, и два его главныхъ сотрудника и клеветы, старцы—Алипій и Павелъ. Этотъ замѣчательный триумvirатъ, управлявшій въ то время не только дѣлами монастыря, но и всѣми буковинскими раскольниками поповщинской секты, составлень былъ изъ бродягъ, родившихся и воспитавшихся въ Россіи. Всѣ они трое были «только же дерзки, колико лукавы», — но съ разными отгѣнками личности. Геронтій былъ человекъ безъ всякаго образованія, но удивительно ловкій и вкрадчивый. Онъ прибылъ въ бѣлокриницкій монастырь не прямо изъ Россіи, но изъ Бессарабіи, изъ тамошняго раскольническаго серковскаго монастыря (¹). «Тма кромѣшная покрываетъ прежняя дѣянія Алипіева», говоритъ пр. Платонъ Аванацковичъ, «яко не вѣдѣти никомуждо, ни кто и что онъ прежде бѣ, ни гдѣ живяше, ни что творяше во отечествіи своемъ: отъонюду же лѣтъ есть заключити, яко не всуе во тмѣ таковой крывается, по реченному: иже любить тму, ненавидитъ свѣтъ, яко да не явятся дѣла его, яко злая суть» (²). Онъ былъ совершенный невѣжда, не зналъ порядочно ни читать, ни писать по-русски, но какъ человекъ, много шатавшійся по бѣлому свѣту, владѣлъ большими практическими свѣденіями, умѣлъ даже нѣсколько лепетать по-нѣмецки и былъ «исполненъ природныя хитрости и лукавства» (³). Какъ Геронтій, такъ и Алипій не отличались ни трезвостію, ни вообще добропо-

(¹) Гером. Пароен. стр. 37.

(²) Плат. Аванацк. стр. 22.

(³) Тамъ же стр. 23.

рядочнымъ поведеніемъ (*). Скромнѣе ихъ былъ Павелъ, родомъ изъ города Валдая (новгородской губерніи), гдѣ исправлялъ онъ обязанности «возатая», т. е. извозчика. Не одаренный особенною любовію къ труду, или, какъ выражается преосв. Платонъ Аванецковичъ, «лѣнивѣецъ сый и празднолюбецъ», онъ оставилъ «домъ, родъ и службу» и сталъ странствовать по разнымъ мѣстамъ Россіи; «послѣди же оставилъ и самое отечество свое», и поселился въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Человѣкъ онъ былъ грамотный, умѣлъ «писать и чести по російски, наипаче же искусствомъ старыхъ раскольничьихъ книгъ хвастался» (†), и дѣйствительно былъ отличный говорунъ, большой начетчикъ, искушенный во всѣхъ тонкостяхъ раскольническаго суемудрія. Эти-то три человѣка въ 1844 году согласились между собою добыть, во что бы то ни стало, раскольникамъ епископа, «иже бы въ монастыри ихъ Бѣлокриницкомъ престоль свой держати, и архіерейская безпрѣпятственно и невозбранно по угодностямъ раскольниковъ дѣйствовати имѣлъ» (‡), чтобы и самимъ чрезъ то приобрѣсть высокій санъ священства, а потомъ, овладѣвъ душами всѣхъ раскольниковъ, нажить побольше денегъ и прославить свое имя (†). Затѣя, повторимъ опять, дерзкая, мало подававшая надежды на осуществленіе, но «Богу попустившу, а діаволу содѣйствовавшу» увѣнчавшаяся успѣхомъ.

(*) Геромон. Пареев. стр. 37.

(†) Плат. Аванецков. стр. 23.

(‡) Тамъ же стр. 22.

(†) Геромон. Пареев. стр. 37.

Первая искра была, говорятъ, брошена однимъ галицкимъ уніятскимъ митрополитомъ, который, объѣзжая однажды свою епархію, къ которой принадлежала и Буковина, заѣхалъ въ церковь къ бѣлокриницкимъ Липованамъ и, узнавъ, что у нихъ не было въ то время священника и что вообще они весьма затрудняются въ приобрѣтеніи себѣ поповъ изъ Россіи, посовѣтывалъ бѣлокриницкимъ монахамъ обратиться съ просьбою о епископѣ къ австрійскому Правительству, увѣряя, что имъ не будетъ въ томъ отказа. Такой совѣтъ могъ быть внушенъ просто христіанскимъ состраданіемъ къ бѣдственному положенію буковинскихъ расколъниковъ, не имѣвшихъ иногда возможности пользоваться самыми необходимыми священнодѣйствіями и утѣшеніями Вѣры. Но если взять во вниманіе то, что митрополитъ этотъ былъ извѣстный Михаилъ Левицкій, — отчаянный напистъ и заклятый врагъ Православія, который незадолго предъ тѣмъ постоянно выпускалъ въ свѣтъ возмутительные манифесты противъ совершившагося въ Россіи (въ 1839 г.) воссоединенія уніатовъ съ православною Церковію; то невольно думается, что тутъ руководствовался онъ цѣлями нечистыми и недобрыми. Какъ бы впрочемъ ни было, только мысль эту съ жаромъ подхватили бѣлокриницкіе монахи, во главѣ которыхъ, какъ уже было сказано, стояли въ это время три бѣглеца изъ Россіи: Геронтій, Алипій и Павелъ, и рѣшились осуществить ее, во что бы то ни стало. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ каждый изъ этихъ трехъ суевѣровъ участвовалъ въ ходѣ и производствѣ дѣла; но то несомнѣнно, что Алипій, знавшій нѣсколько по-нѣмецки, заправлялъ имъ лично, какъ повѣренный буковинскихъ Липованъ, во всѣхъ инстанціяхъ—въ Чер-

новцахъ, въ Лембергѣ и наконецъ въ Вѣнѣ. Въ самой Буковинѣ затѣя раскольниковъ объ учрежденіи въ Бѣлокриницѣ епископской кафедрѣ встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны мѣстнаго православнаго духовенства. Особенно православный епископъ буковинскій, преосвященный Евгений Гикманъ, — мужъ высокаго образованія и пламенной ревности къ православію, употреблялъ со своей стороны всѣ усилія, чтобы задуть зло въ самомъ началѣ. Онъ входилъ даже къ мѣстному начальству съ формальнымъ протестомъ, въ которомъ, на основаніи каноническихъ правилъ Церкви, разъяснял и доказывалъ всю нецѣлѣбность и незаконность раскольническихъ домогательствъ. Не смотря однакоже на все это, дѣло не остановилось, но перешло въ Лембергъ — въ губернское управленіе. Сюда же отправилась цѣлая депутація Липованъ, подъ предводительствомъ Алиція. Для большаго успѣха надобно было найти хорошаго адвоката, и раскольники обратились за этимъ къ одному опытному юристу и первому въ Галиціи знатоку исторіи и древностей русскихъ, по имени Діонисію Зубрицкому. Но такъ какъ Зубрицкій, понявъ всю нецѣлѣбность затѣи раскольнической и зло, какое должно было послѣдовать отъ ней для православія, отклонилъ отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ; то раскольники стали искать другаго, менѣе щекотливаго оъ этомъ отношеніи адвоката, который дѣйствительно отыскался и пустилъ дѣло въ ходъ. Чтобы соблюсти порядокъ, Правительство потребовало отъ раскольниковъ подробнаго изложенія ихъ вѣроученія. Не стало дѣло и за этимъ. Такое изложеніе написалъ для нихъ еще въ Буковинѣ одинъ изъ тамошняго православнаго духовенства іеродіаконъ Вик-

торъ Кокоринъ. Этотъ іеродіаконъ, родомъ Валахъ, надѣленный отъ природы замѣчательными дарованіями и получившій основательное классическое образованіе, началъ-было блестящую карьеру: былъ отличнымъ профессоромъ въ черновецкомъ институтѣ и готивился даже занять въ немъ мѣсто ректора, но, по несчастью, впалъ въ нетрезвость и другіе пороки, и, отрѣшенный отъ всѣхъ должностей, жилъ въ это время на смиреніи въ монастырѣ Драгомириѣ. Здѣсь отыскали его раскольники и, пользуясь его страстью, обратили его въ орудіе для своихъ замысловъ. Владѣя въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и латинскимъ, зная мѣстные законы и формы судопроизводства, онъ взялся быть у нихъ секретаремъ по всѣмъ официальнымъ дѣламъ и писалъ имъ всякую всячину. Такъ между прочимъ написалъ онъ и требовавшееся отъ нихъ изложеніе вѣроученія; и хотя, какъ самъ послѣ сознавался, ничего порядочно не разумѣлъ въ этомъ дѣлѣ, однако написанное имъ изложеніе раскольническаго вѣроученія лембергское начальство нашло совершенно удовлетворительнымъ,—можетъ быть, потому, что и само плохо понимало сущность ученія раскольническаго, вѣроупитнѣ же потому, что въ числѣ доказательствъ правоты домсгательствъ раскольническихъ были и денежные, какъ всякому извѣстно,—самыя убѣдительныя доказательства ('). Такимъ образомъ дѣло въ Лембергѣ было выиграно раскольниками безпрепятственно и отсюда пошло въ Вѣну на окончательное утвержденіе. Съ нимъ вмѣстѣ туда же отправились и депутаты Липованъ, предводительствуемые тѣмъ же Алипіемъ. «Кіими не-

---

(') Всѣ эти свѣденія взяты изъ рук. о загранич. раск.

постижными хитростями, кивми сокровенными способами и средствами» дѣйствовали они тамъ, и кто именно помогаль имъ и покровительствовалъ, «то могутъ знать», говоритъ преосвященный Аѳанаѣковичъ (1), «только главніи бѣлокриницкія дубрави жителіе, имъ же имена: Алипій и Павелъ». Конѣцъ однако всему былъ тотъ, что буковинскимъ Липованамъ, на основаніи ходатайства губернскаго управленія Галиціи, высочайшимъ императорско-королевскимъ декретомъ отъ 14-го Октября 1844 года (2) дано было право имѣть своего епископа, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы этого епископа, по примѣру большей части православныхъ епископскихъ кафедръ въ австрійской имперіи, Липованы сами, изъ собственныхъ своихъ средствъ, обезпечили, предварительно назначивъ ежегодно жалованья 12,000 австрійскихъ гульденовъ (на наши деньги около 7,750 руб. сер.) (3). Резиденціей новому епископу назначался монастырь бѣлокриницкій (4).

Такъ совершилось событіе, до сихъ поръ небывалое въ мірѣ раскольничьемъ,—такое, о какомъ раскольники не смѣли и подумать въ самыхъ дерзкихъ своихъ мечтаніяхъ. Прежде всѣ ихъ искательства и надежды не простирались дальше какого-нибудь воровски украденнаго архіерея, котораго бы они также воровски могли держать у себя гдѣ-нибудь въ Турціи, или Польшѣ, подъ кровомъ постоянно господствовавшаго тамъ безначалія и безпорядка. Теперь вдругъ одна изъ имперій въ Европѣ открыто даруетъ имъ

(1) Стр. 22.

(2) Тамъ же стр. 21.

(3) Рукоп. о загранич. раск.

(4) Плат. Аѳанаѣковичъ стр. 22.

всѣми формами гражданской законности обеспеченную епископскую кафедру, и слѣдовательно расколъ, доселѣ пресмыкавшійся темной, отверженной сектой, возводитъ на степень официально признанной Церкви! Понятно, какой восторгъ, какую потрясающую радость должно было произвестъ во всемъ раскольничьемъ мѣрѣ извѣстiе объ этомъ!!

Впрочемъ хотя затѣя раскольниковъ объ учрежденiи епископской кафедры началась счастливо; но отъ начала до конца было еще далеко, и даже на первыхъ порахъ встрѣтилось не мало препятствiй. На первый разъ все затрудненiе состояло въ томъ, что не было денегъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго хода дѣла. Средства самихъ буковинскихъ Липованъ были для этаго недостаточны. Скоро Впрочемъ это затрудненiе было устранено помощiю раскольниковъ, живущихъ въ Россiи. Какъ только получено было позволенiе искать епископа, буковинскiе раскольники немедленно опредѣлили послать кого-либо изъ среды себя въ Россiю, съ одной стороны—съ извѣстiемъ о томъ, «яже у нихъ содѣяшася», съ другой — «да соберутъ довольнiя пенязи къ совершенiю ихъ злоумышленiя на Церковь православную» ('). Это порученiе взялъ на себя самъ настоятель бѣлокриницкаго монастыря, главный виновникъ зла, Геронтiй. Подъ видомъ австрiйскаго купца, съ фальшивымъ паспортомъ, онъ отправляется въ томъ же 1844 году въ Россiю, и здѣсь начинаетъ странствовать по разнымъ мѣстамъ, доходитъ даже «до царствующаго града Москвы и до славнаго Петрограда», не имѣя «съ собою другихъ товаровъ, кромѣ рѣчей

(') Плат. Аванцовъ, стр. 23.

льстивыхъ и хитрыхъ проповѣданій о богодарованномъ раскольникамъ епископствѣ». Чтобы больше выманить у простаковъ денегъ, Геронтій вездѣ разглашалъ, что архіерей уже отысканъ за границей и, какъ только будутъ деньги, немедленно явится на свою кафедру. Въ подтвержденіе этой басни онъ привезъ съ собою въ Россію портретъ, или, какъ выражается пресвь. Платонъ Аонацковичъ, «икону, на ней же нѣкто въ санѣ епископскомъ живописанъ зряшеся»,—возбуждающую всеобщій восторгъ фанатиковъ, быстро разлившійся по всѣмъ концамъ Россіи. «Таковыми баснями обаяни быша нѣцы скудоумніи, но богатіи раскольницы въ Россіи, наипаче же жены, имъ же по глаголемому власи долги, но разумъ кратокъ: и, отверзше сокровищницы своя, ущедріша баснотворца зѣло» (1). Особенно щедрою рукою посыпали червонцы рогожское кладбище и нѣкоторые московскіе купцы (2), когда явился туда Геронтій. По окончаніи сбора, Геронтій возвратился въ Буковину. До этого времени между буковинскими Липованами были нѣкоторые лица, которые сомнѣвались въ исполненіи задуманнаго предпріятія касательно отысканія епископа, а другія даже открыто возставали противъ такой затѣи, видя въ ней «едину точію слѣпоту надмѣнныя гордыни и властолюбія монаховъ»; къ числу послѣднихъ принадлежалъ между прочимъ дякъ бѣлокриницкой слободы, Кипріанъ Тимоѣевъ,—«мужъ малаго разума, но великаго упрямства». Но «егда приде лжекупецъ посланникъ Геронтій вспять, носяй рубли російскіе, тогда звонъ

(1) Тамъ же, стр. 24.

(2) Иером. Парс. стр. 37—8.

ихъ заглуши въ ушесѣхъ» всѣхъ раскольниковъ «пре-
реканія и злословія» Киприановы, «въ сердцѣ же каж-
даго надежду укрѣпи, яко предначатая ими въ совер-
шеніе незаконснениѣ восприндуть» (1). И потому, ни
мало не медля, буковинскіе раскольники рѣшили от-
править нѣсколькихъ лицъ для отысканія архіерея, гдѣ-
либо внѣ Россіи, такъ какъ въ Россіи такого еписко-
па не нашлось, хотя Геронтій и старался объ этомъ,
по желанію буковинскихъ Липованъ, которымъ хотѣ-
лось приобрѣсть непременно русскаго епископа (2). На
такой подвигъ вызвался-было Алипій, но поелику,
какъ было замѣчено, онъ не отличался доброю нрав-
ственностію и особенно трезвостію, то вручить боль-
шую сумму денегъ такому человѣку казалось дѣломъ
опаснымъ, и потому положено было вмѣстѣ съ Али-
піемъ послать и Павла,—человѣка болѣе другихъ доб-
росовѣстнаго. Они отправились изъ Бѣлокриницы и
проехали въ странствованіи конецъ 1844 года и первые
мѣсяцы 1845 года. Въ это время они посѣтили Мол-
давію и Валахію, были въ Сербіи, въ Венгріи, въ
Далмаціи, въ Черногоріи и наконецъ въ Венеціи. Уда-
чи однако нигдѣ не было; вездѣ получили они чистый
отказъ (3), а черногорскій владыка велѣлъ даже буд-
то-бы выгнать ихъ изъ своихъ владѣній съ безчест-
тіемъ и угрозою, что если они появятся опять, то имъ
будутъ обрублены уши. Всего болѣе, говорятъ, Алипій
и Павелъ рассчитывали на Венецію, гдѣ проживалъ въ
то время бывшій нѣкогда православный епископъ дал-
матинскій Венедиктъ Краевичъ. Обнаруживъ нѣкогда

(1) Плат. Асанацк. стр. 25.

(2) Иером. Паревн. стр. 38.

(3) Плат. Асанацковичъ стр. 25.

поползновеніе въ Унію, онъ едва не погибъ за это отъ руки православныхъ Далматинцевъ, принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ изъ своей епархіи и поселился въ Венеціи, горько оплакивая свою ошибку. Имѣя въ виду случайную ошибку Венецикта Кралевича, раскольникки могли на него надѣяться. Утверждаютъ даже, что портретъ, который Геронтій возилъ по Россіи, былъ списокъ съ его портрета,—такъ велика была увѣренность раскольниковъ въ томъ, что тотъ, кто рѣшался на Унію, не погнушается и расколomъ. Дѣло однакоже и съ нимъ не сладилось. Обезпеченный отъ австрійскаго правительства щедрымъ пенсіономъ, старецъ жилъ себѣ въ довольствѣ и, конечно, не имѣлъ никакихъ выгодъ промѣнять великолѣпную, блестящую Венецію на какую-нибудь бѣлокриницкую трущобу. Впрочемъ бѣлокриницкіе монахи тщательно скрывали безуспѣшность своихъ поисковъ. И когда Алипій и Павелъ возвратились домой безъ архіерея, въ народѣ пущенъ былъ слухъ, что одинъ изъ епископовъ, находившихся въ Молдавіи, охотно идетъ на расколическую каеедру; только-дескать сумнительно, можно ли принять его, потому что онъ крещенъ обливаньемъ, а не въ три погруженія». А чтобы придать больше вѣроятности этой лжи, открыто и съ особенною поспѣшностію стали дѣлать всѣ нужныя приготовления къ принятію и водворенію епископа, точно будто онъ уже въ дорогѣ: собирали ризницу и другія принадлежности, необходимыя для архіерейскаго священнослуженія; для дома, гдѣ долженъ былъ помѣститься архіерей съ своею свитою, заготавливали матеріалы и очищали мѣсто внутри монастыря,—даже стали перестраивать монастырскую церковь, чтобы дать

ей размѣры и видѣ, достойные предназначенія ея быть кафедральнымъ соборомъ епископа (1).

Нужно было однакоже, какъ бы то ни было, приводить дѣло къ концу. И вотъ Алипій и Павелъ снова насыпаютъ кошельки свои русскимъ золотомъ и снова отправляются на поиски. Въ этотъ разъ они были въ Турціи, Греціи, Сиріи, Палестинѣ, но «я той трудъ всеу бѣ» (2). Въ самой Турціи, на которую раскольники рассчитывали по преимуществу—въ той мысли, что между тамошними епископами, угнетенными турецкимъ игомъ, всего легче найти человѣка, который промѣняетъ свою вѣру на раскольничьи червонцы,—не отыскалось ни одного архіерея, который бы согласился занять бѣлокриницкую епископскую кафедру (3). Уже Алипій и Павелъ начинали сами сомнѣваться въ успѣхѣ своего предпріятія, какъ надежда ихъ воскресла во всей силѣ. Изъ Іерусалима они задумали посѣтить лавру Саввы Освященнаго, и за тѣмъ вмѣстѣ съ другими русскими путешественниками отправились въ Синай. На пути въ Суэцъ Алипій и Павелъ встрѣтились съ нѣкоторыми русскими поклонниками, уже возвращавшимися изъ Синая, у которыхъ проводникомъ былъ ложно выдававшій себя за Серба, одинъ константинопольскій Жидъ, по имени Костюшка,—человѣкъ, за золото готовый рѣшиться на все. Встрѣтивъ Алипія и Павла, Костюшка, желая, можетъ быть, только пріобрѣсть лишній червонецъ, сталъ совѣтывать имъ не ѣздить въ Синай, а возвратиться, подъ его руководствомъ, въ Константинополь, куда

(1) Рукоп. о заграничн. расколѣ.

(2) Плат. Алавацков. стр. 26;—сн. Іером. Паро. стр. 42. 43.

(3) Іером. Паро. стр. 27.

направляли свой путь возвращавшіеся изъ Синая богомольцы. Для лучшаго убѣжденія Костюшка началъ описывать монаховъ синайской горы самыми черными красками, увѣряя Алипія и Павла, что тамошніе монахи крайне злы и едва ли дозволятъ имъ даже ночевать въ монастырѣ, особенно за ихъ раскольническую одежду. Суевѣры струсили, — тѣмъ болѣе, что еще въ Иерусалимѣ (¹) имѣли случай испытать подобную непріятность за свой странный костюмъ, и, въ порывѣ довѣрчивости, открыли Костюшкѣ, который показалъ себя такимъ добрымъ человѣкомъ, свою тайну, ради которой собственно они и хотѣли побывать въ Синаѣ, присовокупивъ, что удовольствовались бы архіереемъ даже заштатнымъ. Ни мало не колеблясь, съ полною увѣренностію въ успѣхѣ дѣла, о которомъ хлопотали раскольники, Костюшка, отвѣчалъ, что если Алипій и Павелъ дадутъ ему по сту червонцевъ въ годъ, въ такомъ случаѣ онъ отыщетъ имъ не только одного, но даже двухъ епископовъ, и будетъ имъ за драгомана, какъ знатокъ не только греческаго, но и русскаго языка. Но, прибавляя хитрый Жидъ, для этого необходимо возвратиться въ Константинополь, потому что только тамъ есть много заштатныхъ архіереевъ. Дѣлать было нечего; расчетъ на Синаѣ былъ ненадеженъ, а между тѣмъ Костюшка высказывалъ свое обѣщаніе съ такою убѣдительностію, что ловцы, обѣщавъ дать Костюшкѣ, въ случаѣ успѣха, даже большее количество денегъ, чѣмъ сколько онъ требовалъ, рѣшились чрезъ Египетъ вернуться въ Константинополь и чрезъ нѣсколько дней были уже тамъ (²).

(¹) Тамъ же стр. 42.

(²) Тамъ же, стр. 50—52.

Прибывъ въ Константинополь, Костюшка обратился за помощію къ своимъ собратіямъ по вѣрѣ и ремеслу, и общими силами начали они отыскивать желаемую добычу.хлопотъ было много, но успѣха мало. Хотя и много было въ то время въ Константинополѣ заштатныхъ архіереевъ, однако не нашлось ни одного, который бы изъ-за золота рѣшился измѣнить Православію. Уже Костюшка начиналъ приходить въ отчаяніе, какъ случайно попалъ онъ на одного митрополита, по имени Амвросія, который вывелъ Жида изъ затрудненія. Этотъ Амвросій сначала былъ въ Константинополѣ священникомъ, а потомъ, Богъ знаетъ—за какія заслуги, сдѣланъ былъ въ Боснію митрополитомъ, и занималъ эту каѳедру съ 1836 по 1842 годъ. Страсть къ деньгамъ,—страсть ненасытимая, не знавшая никакихъ предѣловъ, не щадившая ни совѣсти, ни чести, была отличительнымъ свойствомъ этого волка въ овечьей шкурѣ. Для удовлетворенія своей страсти Амвросій, будучи митрополитомъ, прибѣгалъ къ средствамъ не только незаконнымъ, но даже безчеловѣчнымъ. Мало того, что онъ грабилъ, можно сказать, своихъ пасомыхъ; если кто-либо не давалъ ему денегъ, или давалъ мало, Амвросій предавалъ такого ослушника церковной анаемѣ, а въ случаѣ неуспѣха и этой мѣры обращался къ турецкимъ начальникамъ и клеветалъ на упорныхъ, какъ на измѣнниковъ и крамольниковъ, вслѣдствіе чего ихъ заключали въ оковы и темницы и мучили до тѣхъ поръ, пока невинно обвиненные не отдавали послѣдняго кодранта, который потомъ и дѣлился братски между митрополитомъ и турецкимъ пашей. Такъ между прочимъ поступилъ Амвросій съ однимъ изъ своихъ па-

сомыхъ, богатымъ откупщикомъ и «старѣйшиною еди-наго отъ именитыхъ мѣстъ», который сначала платилъ митрополиту- большую дань, а потомъ, увидѣвъ, что трудно насытить «бездонное корыстолюбіе» владыки, пересталъ давать ему деньги. Послѣ разныхъ притѣсненій и оскорбленій, послѣ анаемы, Амвросій предалъ несчастнаго въ руки турецкаго паши. Доведенный разнаго рода мученіями до отчаянія и ожесточенія, страдалецъ среди пытокъ отрекъся отъ Христа и со всѣмъ своимъ семействомъ перешелъ въ магометанство, въ надеждѣ хотя этимъ путемъ избавиться отъ дальнѣйшихъ страданій и отъ вліянія недостойнаго пастыря Христовой Церкви. Такое безпримѣрно-великое злодѣяніе босносараевскаго митрополита не могло укрыться отъ взоровъ святѣйшаго патріарха цареградскаго, и вотъ въ 1842 году Амвросій вызывается въ Константинополь на судъ. Злодѣю до времени запрещено священнослуженіе, въ Боснію посланъ другой митрополитъ, а между тѣмъ святѣйшему Синоду своему патріархъ приказалъ разсмотрѣть поступки Амвросія и потомъ судить его по правиламъ церковнымъ. Такого-то пастыря, проживавшаго до окончанія суда въ Константинополь во всеобщемъ презрѣніи и нищетѣ,—пастыря, который за свою страсть къ сребролюбію получилъ отъ пасомыхъ прозваніе: Симоновичъ, отыскалъ Костюшка и представилъ Алипію и Павлу, тайно проживавшимъ на квартирѣ, въ качествѣ претендента, готоваго за горсть золота занять бѣнокришницкую епископскую каѳедру ('). Заранѣе можно было сказать, что Амвросій согласится быть раскольник-

---

(') Плат. Аеаацк. стр. 27—29.

ческимъ митрополитомъ: но, вѣроятно, для того, чтобы больше выманить у раскольниковъ денегъ, онъ сначала отказывался отъ приглашенія ѣхать въ Буковину, ссылаясь на то, что въ Константинополѣ есть у него родные, съ которыми ему не хочется разстаться, — именно сынъ, по имени Георгій, и жена его, родомъ Боснянка. Когда же Алипій и Павелъ показали Амвросію кучу золота и обѣщали ежегодно давать ему самому по 500 червонцевъ жалованья, а сыну — по 150, и увезти всѣхъ въ Австрію, гдѣ злодѣй будетъ свободенъ отъ суда патріаршаго; лже-митрополитъ согласился быть въ собственномъ смыслѣ *наемникомъ* у раскольниковъ. Чтобы больше обезопасить свою будущность, Амвросій потребовалъ отъ раскольниковъ формальнаго контракта, въ которомъ бы они обязались ежегодно платить ему и сыну его условленное количество денегъ. И Алипій и Павелъ не только не устыдились написать такой контрактъ, но еще послали копию съ него въ Москву — на рогожское кладбище, чтобы тамошніе раскольники, видя, за какую сумму нанять архипастырь, больше присылали денегъ въ Буковину ('). Такимъ образомъ, при содѣйствіи жида Костюшки, который служилъ въ настоящемъ случаѣ не только посредникомъ между раскольниками и Амвросіемъ, но и переводчикомъ, Алипій и Павелъ отыскали себѣ не епископа только, но митрополита, и за эту услугу прибавлено было въ контрактъ, къ условленной платѣ Амвросію и его сыну, 150 червонцевъ въ годъ Костюшкѣ ("), какъ переводчику митрополита.

(') Иеромон. Пареев. стр. 53—4.

(") Тамъ же стр. 122.

Дѣло, повидимому, приближалось къ концу, и раскольники мечтали уже о возвращеніи въ Буковину, какъ встрѣтилось новое препятствіе, на которое Алипій и Павелъ, съ радости, что нашли епископа, сначала и не обратили вниманія. Амвросій былъ митрополитъ, но митрополитъ запрещенный, который лишень былъ права на священнослуженіе не только архіерейское, но и просто священническое. Мысль объ этомъ повергла Алипія и Павла въ совершенное отчаяніе; не зная, что дѣлать, они рѣшились даже искать другаго епископа (¹), но хитрость Костюшки помогла имъ и въ этомъ случаѣ. Нужно было какимъ-нибудь образомъ выхлопотать Амвросію у патріарха свободу отъ суда и разрѣшеніе на священнослуженіе. И вотъ на какую, истинно жидовскую, уловку рѣшился Костюшка. Въ одной части Константинополя онъ подкупаетъ нѣсколькихъ Грековъ, которые, согласно наставленію Костюшки, составляютъ ложное духовное завѣщаніе отъ лица одной, только-что будтобы умершей Гречанки, по имени Анастасіи, бывшей будтобы духовною дочерью Амвросія въ то время, когда онъ былъ еще въ Константинополѣ священникомъ. Въ этомъ завѣщаніи Амвросію отказывалось довольно большое количество денегъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ отслужилъ по умершей заупокойную литургію въ той церкви, къ приходу которой мнимая Анастасія принадлежала. Такое завѣщаніе представляется подкупленными Греками патріарху. «И ять бысть святѣйшій обманы мрежею, ничтоже вѣдый, ниже прозрѣваяй, и повелѣваетъ въ патріаршіи написатися рукописанію,

---

(¹) Тамъ же стр. 55.

яко бывшему митрополиту Амвросію разрѣшается во уреченный день совершити божественную литургію въ церкви бешиктамстѣй (Бешиктамъ — предмѣстіе Константинополя) за упокоеніе души рабы Божія Анастасіа» (¹). Такое «рукописаніе» немедленно доставляется Костюшкою Павлу и Алицію, и они совершенно успокоиваются, не смотря на то, что въ немъ прямо было сказано, что Амвросію дозволяется отслужить литургію только одну, въ опредѣленной притомъ церкви и безъ всякой архіерейской власти и что отъ суда онъ все-таки не освобождается. Можетъ быть впрочемъ, Костюшка и не перевелъ Алицію и Павлу всего, что написано было въ патріаршемъ рукописаніи, а сами они, по незнанію греческаго языка, не могли узнать этого. Какъ бы то ни было, только Алицій и Павелъ, нарядивъ своего митрополита въ купеческое платье, посадили его вмѣстѣ съ сыномъ и снохою на пароходъ и отправились чрезъ Молдавію во свояси, взявъ съ собою и Костюшку (²). 12 октября 1846 года (³) прибыли они въ бѣлокриницкій монастырь. Можно представить себѣ радость раскольниковъ, увидѣвшихъ въ своей берлогѣ цѣлаго митрополита, не епископа только!! О томъ, каковъ былъ приобрѣтенный митрополитъ, не было и помину (⁴); потому что

(¹) Плат. Аеанацк. стр. 30—31. По сказанію Пареевѣ (стр. 106), разрѣшительная грамота выдана была будтобы изъ патріаршей канцеляріи безъ вѣдома самаго патріарха и безъ его подписи. Быть можетъ. Не даромъ же Костюшка, требуя отъ раскольниковъ денегъ для этого дѣла, говорилъ: «чрезъ деньги можно все сдѣлать» (Тамъ же стр. 55).

(²) Геромон. Пареев. стр. 56.

(³) Тамъ же стр. 73.

(⁴) Тамъ же стр. 105.

иначе нужно было плакать, а не радоваться такой жалкой находкѣ.

Когда прошла первая радость, начались въ Бѣлокриницѣ новыя хлопоты. Такъ какъ право имѣть епископа дано было раскольникамъ отъ австрійскаго правительства формальнымъ декретомъ; то само-собою понятно, что найденнаго лже-митрополита нужно было представить правительству, чтобы оно снова подтвердило права его на бѣлокриницкую кафедру. Припомнивъ, вѣроятно, какими средствами выхлопотано было въ Вѣнѣ позволеніе имѣть епископа, буковинскіе раскольники и въ настоящій разъ, для безпрепятственнаго окончанія тамъ дѣла, положили прежде собрать нужное количество денегъ, а потомъ уже ѣхать въ Вѣну для представленія Амвросія Правительству. И вотъ уже не Геронтій, а Алипій снова отправляется подъ видомъ купца въ Россію и, прибывъ въ Москву—на рогожское кладбище, объявляетъ здѣшнимъ раскольникамъ, что желаемая добыча приобрѣтена, присовокупляя: «теперь нужно намъ много денегъ для большихъ издержекъ, дабы искусно приобрѣсть благорасположеніе австрійскаго высшаго начальства, иначе оно не приметъ нашего новаго митрополита подъ свое покровительство». Убѣдительное этого довода трудно было придумать, и московскіе раскольники оказали на этотъ разъ такую щедрость, что въ самомъ скоромъ времени Алипій возвратился въ Бѣлокриницу съ немалымъ количествомъ золота. Взявъ съ собою послѣ этого Амвросія, Алипій вмѣстѣ съ Павломъ отправились въ Вѣну ('). Само собою разумѣт-

---

(') Геромон. Парен. стр. 88—89.

ся, что Амвросій долженъ былъ показаться австрійскому Правительству лицомъ довольно подозрительнымъ, какъ бѣглець и измѣнникъ Вѣрѣ. Чтобы сколько-нибудь оправдать свой поступокъ въ глазахъ Правительства, лже-митрополитъ прибѣгъ не только ко лжи, но и къ клеветѣ на православную греческую Церковь вообще и на константинопольскаго патріарха въ частности, говоря, что онъ—Амвросій лишенъ босно-сараевской кафедрой незаконно, что въ Константинополѣ его мучили, что церковь греческая, находясь подъ владычествомъ невѣрныхъ Турокъ, потеряла древнее благочестіе и потому онъ не хочетъ жить въ ея нѣдрахъ, а желаетъ поселиться у раскольниковъ, у которыхъ хранится истинное православіе. Такая ложь, подкрѣпленная золотомъ, могла показаться правдою, и чрезъ нѣсколько дней вышло повелѣніе: принять митрополита Амвросія въ бѣлокриницкомъ монастырѣ съ подобающею честію, какъ истиннаго святителя раскольниковъ. При этомъ предоставлено было Амвросію право посвятить изъ среды раскольниковъ буковинскихъ новаго епископа, который бы могъ быть ему преемникомъ (¹). Впрочемъ хотя австрійское Правительство и позволило Амвросію поселиться въ бѣлокриницкомъ монастырѣ на правахъ «истиннаго святителя»; однако во избѣжаніе обмана, а, можетъ быть, и для одной только формы, императоръ приказалъ спросить константинопольскаго патріарха, кто такой—этотъ Амвросій, какого поведенія и по какимъ причинамъ уѣхалъ онъ изъ Цареграда. Такъ какъ Алипій и Павелъ не только не рассказали своимъ бу-

---

(¹) Плат. Асанацк. стр. 33—34.

ковинскимъ братіямъ о прежней жизни и дѣлахъ Амвросія, напротивъ всячески старались скрыть отъ нихъ и его злодѣянія и его запрещеніе отъ патріарха, между тѣмъ отвѣтъ изъ Константинополя могъ разоблачить тайну; то само собою понятно, что распоряженіе австрійскаго императора было причиною новыхъ хлопотъ для Алипія и Павла. И вотъ чтó сдѣлали они по внушенію Костюшки: пославъ въ Константинополь не малое количество червонцевъ, они просили тамошнихъ знакомыхъ своихъ, чтобы, когда получится въ посольствѣ австрійскомъ запросъ объ Амвросіѣ, рѣшить дѣло какъ-нибудь въ пользу ихъ въ патріаршей канцеляріи, не доводя его до свѣденія патріарха. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано (¹). И хотя патріархъ, узнавъ о бѣгствѣ Амвросія изъ Константинополя, въ окружной грамотѣ отъ 14 Октября 1846 года писалъ: «прежде нѣкоего времени внезапно и паче чаянія исчезнулъ отсюда, сирѣчь изъ Царяграда, архіерей нѣкій бывший босанскій, именемъ Амвросій, который былъ пребывая здѣ въ мирѣ, аки почивая отъ правительства епархіи босанскія, изъ нея же прогнанъ быше; различныя рѣчи промчались ради невидимости и отсутствія егова, аки бы, безъ упражненія сый, отъ нищеты своея отбѣгль» (²): но это извѣстіе дошло до австрійскаго Правительства уже только въ 1849 году(³).

Когда Алипій и Павелъ возвратились съ Амвросіемъ изъ Вѣны въ бѣлокриницкій монастырь (⁴), ихъ приняли раскольники «съ торжествомъ и ликова-

(¹) Иеромон. Парев. стр. 59—60.

(²) Плат. Анак. стр. 32—33.

(³) Иерон. Парев. стр. 124.

(⁴) По Платону Леанаковичу (стр. 34), Амвросій вмѣстѣ съ Алипіемъ и Павломъ прибыли въ бѣлокриницкій монастырь въ нояб-

ствованіемъ великимъ». Радость впрочемъ продолжалась недолго; лже-митрополитъ былъ нанятъ, находился уже въ монастырѣ Бѣлокриницкомъ; но этотъ митрополитъ былъ еще еретикъ, нужно было его «переправить» т. е. присоединить къ обществу раскольниковъ, въ котораго, по мнѣнію изувѣровъ, нѣтъ нигдѣ ни истинной вѣры, ни истинной Церкви. И вотъ беззаконное сонмище буковинскихъ Липованъ рѣшаетъ въ своемъ совѣтѣ созвать соборъ для разсужденія о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Амвросія въ общество раскольниковъ, чтобы онъ сдѣлался истиннымъ пастыремъ. Извѣстіе о такомъ рѣшеніи сообщается не только въ слободы, находящіяся въ Буковинѣ, но и раскольникамъ молдавскимъ—съ тѣмъ, чтобы они прислали на соборъ своихъ депутатовъ. Въ назначенный день, именно 28-го октября 1846 года, въ воскресенье послѣ литургіи, которую совершалъ, вѣроятно, Иеронимъ, такъ какъ онъ былъ единственный въ это время священникъ между буковинскими Липованами, въ монастырскомъ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы поставлены были два аналоя; на одномъ изъ нихъ, который находился на амвонѣ, положено было евангеліе и предъ нимъ поставленъ подсвѣчникъ съ возженною свѣчю, на другомъ, среди храма—кормчая книга. На случай же справокъ принесено было въ церковь много и другихъ старыхъ книгъ. По обѣимъ сторонамъ амвона поставлены были въ большомъ числѣ стулья

рѣ 1846 года, а по свидѣтельству Цареенія—въ октябрѣ. Последнее мнѣніе болѣе справедливо. Въ дѣяніи соборномъ, бывшемъ въ Бѣлокриницѣ для разсужденія о томъ, какимъ чиномъ принять Амвросія, значитъ, что оно происходило 28-го Октября, а въ это время Амвросій, какъ тоже видно изъ дѣянія, жилъ въ Бѣлокриницѣ.

для «отцевъ» собора. «Симъ тако устроеннымъ» (1), послѣдовалъ троекратный ударъ колокола, — знакъ, что время было собираться на соборъ. И вотъ потянулася въ церковь длинная вереница «отцевъ» собора. И кого-кого тутъ не было. Въ главѣ всѣхъ шли «священно-инокъ» Іеронимъ и настоятель монастыря Геронтій, который не имѣлъ и этого небольшого сана. Они заняли первыя мѣста: Геронтій съ подчиненными ему иноками сѣлъ по одну сторону амвона, а Іеронимъ, подкрѣпляемый дьячкомъ бѣлокриницкой церкви Кипріномъ Тимошеевымъ, съ повѣренными отъ молдавскихъ раскольниковъ и отъ слободъ бѣлокриницкой, климовецкой, соколинской и мехридской, заняли другую половину стульевъ. Остальные раскольники менѣе важнаго сана, т. е. простые мужики, которыхъ собралось большое множество, потому что всякому хотѣлось послушать «мудрыхъ разсужденій отцевъ собора», наполнили церковь «до угнетенія», а тѣмъ, кои по чему-либо не успѣли явиться во время, пришлось довольствоваться притворомъ. Когда мало по малу возстановился порядокъ и всѣ пріутихли, началось соборное совѣщаніе. Прежде всего Геронтій, предсѣдательствовавшій на этомъ лже-соборѣ, вставъ и сотворивъ Іисусову молитву, громко сказалъ, обращаясь ко всѣмъ, присутствовавшимъ въ храмѣ, и указывая на евангеліе, лежавшее на амвонѣ: «отцы святіи и братія и вси православные христіане! Видите святое евангеліе, вонмите, яко самъ Христосъ и праведный Судія посреди насъ присутствуетъ! Посему мы должны разсуж-

---

(1) Всѣ эти и дальнѣйшія свѣденія взяты изъ самаго соборнаго дѣявія, списокъ съ котораго присланъ былъ раскольниками на рогожское кладбище (Іером. Нарв. стр. 61).

дать и строить подлежащее дѣло безъ всякаго лице-пріятія, сообразно писанію святыхъ и согласно волѣ Божіей, а именно: приступающаго нынѣ въ наше древле-истинное православіе отъ нынѣшней греческой рели-гии господина высокопреосвященнѣйшаго Амвросія ка-кимъ чиномъ принять долженствуетъ? На такое воз-званіе соборъ отвѣчалъ: «откройте и предложите на среду, какія есть во святомъ Писаніи по сему пред-мету правила святыхъ Соборовъ, какіе примѣры отъ со-бывшихся древле православной Церкви святоподобій». Въ исполненіе такого требованія, Геронтій приказалъ Павлу прочесть краткое соображеніе славскихъ ⁽¹⁾ раскольниковъ — о томъ, «отъ какихъ вѣръ, за ереси осужденныхъ, дѣйствуемое крещеніе и хиротонія въ православную Церковь къ пріятію суть достойны», — а также вычитать изъ кормчей всѣ правила, относя-щіяся къ предмету разсужденія. Павелъ, какъ гла-ситъ соборное дѣяніе; исполнилъ приказаніе Геронтія «въ полной мѣрѣ, такъ что для всякаго со внима-ніемъ слушающаго было ясно и внятно». При этомъ предложено было еще для руководства въ разсужде-ніяхъ дѣяніе задунайскаго собора, происходившаго 26-го іюля 1846 года между раскольниками, живущими въ турецкихъ владѣніяхъ, въ слободахъ Соряковой (Сари-Кой), Славѣ, Журиловкѣ и др., по вопросу депута-товъ бѣлокриницкаго монастыря, какимъ чиномъ нуж-но принять митрополита Амвросія ⁽²⁾. На этомъ лже-

(1) Слава — одно изъ селеній раскольничьихъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

(2) Значитъ, еще прежде, чѣмъ Амвросій прибылъ въ Бѣло-криницу, у раскольниковъ были частныя совѣщанія о томъ, какимъ чиномъ принять его.

собрѣ сперва положено было всѣми соборными старцами «за уваженіе столь великаго лица», каковъ Амвросій, принять его третьимъ чиномъ, т. е. не чрезъ муропомазаніе, а только чрезъ проклятiе мнимыхъ ересей православной Церкви, хотя, прибавляли «отцы собора», «всеобдержное принманіе отъ ереси, какъ было у насъ до нынѣ», т. е. вторымъ чиномъ, чрезъ муропомазаніе, «такъ и навсегда да останется въ своей силѣ». Но потомъ, когда настоятель славскаго скита, Макарій, выразилъ собору свое недоумѣніе, сказавъ, что подобное принтаніе митрополита, какъ несогласное съ всегдашнимъ обычаемъ раскольниковъ принимать бѣглыхъ поповъ чрезъ муропомазаніе или вторымъ чиномъ, можетъ «соблазнить немощныхъ и обширно писаніе невѣдущихъ», — и что поэтому не лучше ли вторымъ же чиномъ принять и митрополита Амвросія, если только онъ согласится на это, — «всѣ на томъ и положились». Извѣстіе о такомъ рѣшеніи поручено было одному иноку, по имени Аркадію, бывшему настоятелю Лаврентіева монастыря, сообщить въ бѣлокриницкій монастырь, что и было сдѣлаю; самое же дѣяніе было списано и доставлено въ бѣлокриницкій монастырь лично бывшимъ на этомъ лже-собрѣ иномомъ бѣлокриницкаго монастыря Онуфріемъ.

Когда прочитано было дѣяніе задунайскаго собора, опредѣлившаго принять Амвросія вторымъ чиномъ, молдавскіе депутаты согласились на такое опредѣленіе, но депутаты буковинскихъ слободъ и народъ требовала, чтобы принтаніе Амвросія учинено было третьимъ чиномъ. Много было споровъ и разглагольствій, и такъ какъ каждая сторона старалась представить въ основаніе своего требованія «правила святыхъ отецъ и

сбывшіяся святоподобія» то, говорится въ соборномъ дѣяніи, «ради успокоенія совѣсти» спорившихъ, а равно и тѣхъ раскольниковъ, которые не участвовали въ соборномъ разсужденіи и «тонкомъ понятіи», отцы монастырскіе, «вседушно пекущіеся при столь богодарованномъ священномъ источникѣ не отчуждать немощныя души отъ любви и единенія православныя нашей вѣры, за нихъ же Христосъ умерти изволилъ, предложили собору заключительное слово въ слѣдующемъ», двусмысленномъ и неопредѣленномъ рѣшеніи: «если угодно будетъ всему богодухновенному (?) собору, положимся на всемогущій, спасительный Промыслъ Божій, да будетъ намъ въ знаменіе непререкаемое, предложимъ наше требованіе самому богодарованному (!!) нашему господину митрополиту: если онъ на второй чинъ согласитъ свою совѣсть произвольно, то такъ угодно и воля Божіей; а если отвергнетъ требованіе наше, яко ожесточенныхъ, тогда и мы отвергнемъ все малодушіе прочихъ и учинимъ его принятіе третьимъ чиномъ, яко Богъ изволивый тако». На такое предложеніе бѣлокрипническихъ «отцевъ» всѣ, бывшіе на соборѣ, единодушно отвѣчали: «воистину тако сотворить надлежитъ, да и воля Божія открыта намъ будетъ». Соборное дѣяніе, за *незнаніемъ граматы отцевъ собора* (1), поручено было скрѣпить подписомъ отъ лица монастырскихъ братьевъ инокъ Геронтію, а за депутатовъ всѣхъ расколическихъ слободъ іеромонаху Іерониму, — съ приложеніемъ монастырской печати. Когда все это было кончено, присутствовавшіе на соборѣ, приказавъ въ благодарность за настоящее и для успѣха въ будущемъ отслу-

(1) Іеромон. Парем. стр. 76.

жить всенощное бдѣніе святителю и чудотворцу Николаю, разошлись по домамъ.

На другой день въ понедѣльникъ, послѣ всенощнаго бдѣнія, Геронтій съ Павломъ и другими раскольниками отправились къ Амвросію съ требованіемъ, чтобы онъ присоединился къ ихъ обществу. Войдя въ кельи лже-митрополита и сотворивъ ему обычный поклонъ, они предложили отступнику свое требованіе, присовокупивъ, что присоединеніе это должно совершиться вторымъ чиномъ, т. е. чрезъ муропомазаніе. Какъ ни попорана была совѣсть у Амвросія, однако онъ понялъ, какое поруганіе святыхъ должно послѣдовать за исполненіемъ такого предложенія, и потому, обратившись къ Павлу, который, вѣроятно, велъ рѣчь, какъ болѣе другихъ опытный въ раскольничьемъ суетумудріи, сказалъ: «видно и ты Павелъ глупъ», показывая этимъ, что одно только грубое невѣжество могло рѣшиться на такое предложеніе. Не смотря однакожъ на такой неместный отзывъ Амвросія о Павлѣ, не смотря и на то, что соборъ опредѣлилъ положиться во всемъ на совѣсть лже-митрополита; Павелъ сталъ убѣждать Амвросія на присоединеніе именно вторымъ чиномъ, указывая при этомъ на Христа Спасителя, который умеръ за немощныхъ, на Апостола Павла, который, будучи «зѣльнымъ запретителемъ иудейскихъ обычаевъ», для мира и союза церковнаго, обрѣзалъ ученика своего Тимофея, — на Григорія Богослова, оставившаго патріаршіи престолъ, «да не будетъ его ради распря», — наконецъ на Пророка Іону, который, чтобы не погибли другіе, повелѣлъ себя бросить въ море. Хотя примѣры эти нисколько не относились къ дѣлу, однако лже-митрополитъ, уразумѣвъ будтобы «силу

словесъ ихъ, яко отъ божественнаго Писанія суть», въ ту же минуту согласился на присоединеніе чрезъ муропомазаніе и, обративъ взоръ свой къ иконѣ Спасителя, сказалъ: «аще Павелъ, запрещая обрѣзаніе, допустилъ обрѣзать Тимофея, Григорій Богословъ престолъ свой оставить соизволилъ, а Іона Пророкъ жизнию пожертвовалъ: я ли не сотворю сего малаго прошенія для мира церковнаго на спасеніе многимъ»? Но потомъ, какъ бы одумавшись и понявъ, на какое преступленіе онъ рѣшается, Амвросій присовокупилъ, обратившись къ Геронтію и другимъ, съ нимъ бывшимъ: «изволяю на ваше предложеніе, только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоятъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ таковаго», — и эти слова даютъ полное право думать, что лже-митрополитъ согласился на предложеніе присоединиться къ обществу раскольниковъ чрезъ муропомазаніе не потому, будто былъ убѣжденъ къ этому доводами Павла, а просто по необходимости, — потому, что этого требовали отъ него, хотя онъ ясно сознавалъ всю незаконность такого требованія. Какъ бы впрочемъ ни было, только Геронтій съ братією не устрашились взять на себя отвѣтственность предъ Богомъ за имѣвшее совершиться поруганіе святыни и, подобно Іудеямъ, отвѣчали: «грѣхъ этотъ да будетъ на насъ». А послѣ даже торжественно не устыдились сознаться въ незаконности всѣхъ своихъ дѣйствій, пиша въ оправданіе свое на рогожское кладбище^е слѣдующее: «подобаетъ малое соблажненіе презирати, идѣже велие спасеніе кому бываетъ, и не малаго ради погубляти и лишатися великаго. Бываемой ради пользы малый соблазнъ презирается. И епископъ для православной Церкви зѣло

не малая есть польза.... Сего ради аще въ приватнѣ епископа въ чемъ по нуждѣ и являемъ, якобы презиратели и преступники церковнаго закона; но мы смиреннѣе паче всѣхъ языкъ вѣдаемъ надъ собою крайнее Божіе милосердіе» (1).

Согласившись на присоединеніе къ обществу раскольниковъ чрезъ мѣропомазаніе, Амвросій немедленно приказалъ начинать звонъ для литургін, а самъ, облачившись въ святительскую мантию, въ сопровожденіи низшихъ чиновъ клира, отправился въ монастырскую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Войдя въ храмъ, онъ сотворилъ такъ называемое у раскольниковъ начало, которому уже научился, живя въ Бѣлокриницѣ съ 12-го по 29-е октября, когда происходило разсказываемое событіе. Отдавъ поклоненіе народу, же-митрополитъ вошелъ въ алтарь и облачился во всѣ святительскія одежды, въ которыя, по случаю запрещенія, не облачался уже пять лѣтъ; потомъ, вышедъ изъ алтаря, Амвросій взошелъ на амвонъ, гдѣ заранѣе были поставлены два аналоя. На одномъ изъ нихъ былъ положенъ для Амвросія написанный чинъ проклятія ересей—въ томъ видѣ, какъ онъ печатался въ нашихъ древнихъ потребникахъ; на другомъ, для священника, или точнѣе — іеромонаха Іеронима, раскрытый номоканонъ. Такъ какъ Амвросій по-русски не зналъ ни одного слова, то чинъ былъ написанъ греческими буквами. И вотъ началось зрѣлище, поистинѣ достойное слезъ и смѣха. Человѣкъ, родившійся и воспитанный въ православіи, сдѣлавшійся пастыремъ Христовой Церкви и даже бывшій нѣсколько лѣтъ архи-

---

(1) Іером. Пере. стр. 97.

пастыремъ (хотя и недостойнымъ), теперь торжественно, среди многочисленнаго народа, въ храмѣ, посвященномъ имени Пречистыя Матери Господа Иисуса, за деньги начинаетъ проклинать мнимыя ереси св. православной Церкви, отрекаясь всякаго единомыслія и общенія съ нею (1). Отъ одного представленія этого незаконнаго измѣнничества, душа невольно приходитъ въ трепеть. А какъ посмотришь на другую сторону дѣла и представишь себѣ эту невѣжественную толпу суевѣровъ, изъ которыхъ многіе знали, что за чело-вѣкъ былъ ихъ будущій пастырь и что только крайняя необходимость и червонцы заставили его переселиться въ бѣлокриницкую трущобу, и—среди этой зѣвающей толпы — запрещеннаго митрополита, читающаго что-то, чего однакожь онъ не понималъ нисколько, — читающаго, значить, ради публики и по ея приказанію, т. е. просто разыгрывающаго комедію, а въ добавокъ ко всему — Жида Костюшку съ лаутовскою и насмѣшливою миною; невольная возбуждается улыбка и желаніе сказать всей этой бессмысленной толпѣ: ты жалкій и пустой народъ.

Когда кончилась эта комедія, началась другая. Амвросій избираетъ себѣ духовнымъ отцемъ іеромонаха Іеронима, идетъ съ нимъ въ алтарь и тамъ запрещенный греческій митрополитъ, не знающій ни слова по-русски, начинаетъ исповѣдываться русскому іеромонаху, который столько же зналъ по-гречески!! Дѣйствительно, если это не была только комедія, въ такомъ случаѣ необходимо допустить, что Костюшка, какъ необходимый членъ, какъ неизбежное зло, присутствовалъ и

(1) Плат. Аонаик. стр. 84.

при этомъ дѣйствіи въ качествѣ переводчика и посредника. Но и этимъ дѣло не кончилось. Послѣ исповѣди нужно еще было «переправить» Амвросія, т. е. помазать его мѣромъ. И вотъ Иеронимъ начинаетъ мазать мѣромъ Амвросія, между тѣмъ какъ послѣдній — не только въ одеждѣ обыкновенной, но еще облеченъ во всѣ святительскія ризы! Опять или обманъ, или комедія. Когда все это было кончено, Иеронимъ отворилъ царскія двери и громогласно сказалъ народу приличное поздравленіе, «объявляя при этомъ достоинство» Амвросія, т. е. *что запрещенный константинопольскимъ патріархомъ Анеимомъ митрополитъ Амвросій теперь разрѣшенъ блѣлокриницкимъ іеромонахомъ Иеронимомъ!* При этомъ Амвросій, взявъ въ руки, по обычаю святительскому, дикирій и трикирій, вышелъ изъ алтаря и благословилъ народъ, церковь и по сторонамъ. «Пѣвцы же», говорится въ соборномъ дѣяніи, «воспѣли многолѣтіе владыкъ», и прибавляется: «вотъ зрѣлище трогательное и радость восхитительная». И понятно: было чѣмъ умилиться; слова: *εις πόλλα ετη Δεσποτα*, — столь вразумительныя для присутствовавшихъ въ храмѣ, пѣлись по крюковымъ линиямъ!! Когда послѣдніе звуки крюковаго пѣнія затихли, Иеронимъ, взявъ, по обычаю, благословеніе у Амвросія, началъ литургію, которая потомъ была совершена же-митрополитомъ, по уставу. Соборное дѣяніе не находитъ словъ, чтобы выразить всю силу радости, какою чувствовалъ въ это время каждый изъ присутствовавшихъ въ церкви раскольниковъ. По окончаніи литургіи, всѣмъ соборомъ, съ подобающею честію и пѣснопѣніемъ, проводили Амвросія до кельи его, близъ которой же-митрополитъ, обратившись къ народу, еще разъ благо-

словилъ его. На радости всѣ отцы и братія, какъ гласить дѣяніе, а равно и собравшіеся на это торжество раскольники другихъ мѣстъ, были приглашены Геронтіемъ «на утѣшеніе и поздравленіе», послѣ чего всѣ пошли въ трапезу на обѣдъ и «чѣмъ Богъ послалъ», писали бѣлокриницкіе раскольники на рогожское кладбище, «всѣ были угощены и весь день праздновали во славу Божию».

Такъ-то совершилось небывалое доселѣ въ раскольничьемъ мірѣ событіе. Трудами и проискѣми трехъ выходцевъ русскихъ: Геронтія, Алипія и Павла, хлопотано буковинскимъ раскольникамъ право имѣть своего собственнаго епископа, отысканъ и нанятъ греческій митрополитъ Амвросій, который, получивъ утвержденіе своихъ правъ отъ австрійскаго Правительства, былъ наконецъ признанъ въ достоинствѣ истиннаго святителя самими раскольниками, живущими въ Буковинѣ и даже въ другихъ странахъ. Событіе безпримѣрное въ исторіи раскола, но, къ счастью, не имѣвшее тѣхъ гибельныхъ послѣдствій для Церкви православной, какихъ можно было опасаться. Беззаконность всѣхъ дѣйствій раскольниковъ, какія они употребляли въ настоящемъ случаѣ, была такъ очевидна для каждаго, что пріобрѣтенный ими лже-митрополитъ не возбудилъ къ себѣ сочувствія во многихъ изъ самыхъ буковинскихъ Липованъ. Люди, болѣе благонамѣренныя и здравосмысленныя очень хорошо понимали, что нанятый лже-митрополитъ, позволившій изъ-за денегъ даже перемазать себя мѣромъ, есть не пастырь, а волкъ и наемникъ. Особенно бѣлокриницкій дьякъ Кипріянь Тимоеевъ, которому непремѣн-

но хотѣлось, чтобы Амвросій былъ принять третьимъ чиномъ, проповѣдывалъ всѣмъ и каждому, что «перемазанецъ сей нѣсть и не можетъ быть истиненъ архіерей, но паче сосудъ злохудоженъ» (1). Ему послѣдовали нѣкоторые изъ самихъ старцевъ монастырскихъ: Антоній, Германъ и Никонъ, которые сперва обличали своихъ братьевъ за ихъ беззаконныя дѣяствія, а потомъ, видя, что всѣ обличенія ихъ остаются безъ успѣха, оставили не только бѣлокриницкій монастырь, но и самую Буковину, и удалились въ Молдавію, гдѣ также нашли немало людей одного съ ними мнѣнія о наемникѣ Амвросіѣ. Такимъ образомъ вмѣсто ожидаемаго соединенія всѣхъ раскольниковъ въ одно стадо, ради чего Геронтій и его сообщники и домогались съ такими усиліями приобрѣсть епископа, прибытіе Амвросія на бѣлокриницкую каеедру произвело только раздѣленіе между ними, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Добруджѣ—въ одномъ изъ раскольниковскихъ селеній, находящихся въ турецкихъ владѣніяхъ) доходило до того, что «братъ на брата возставалъ, и дѣти на родители, устремляющеса другъ противу друга со многими кровопролитіемъ» (2). Что же касается до вліянія, какое имѣло приобрѣтеніе буковинскими Липованами лжемитрополита на Церковь православную, то вотъ что писалъ объ этомъ одинъ изъ православныхъ буковинскихъ епископовъ, по имени Евгеній: «новая сія ересеіерархія не можетъ, истина, на мою богохранимую православную епархію никакого вредоноснаго втеченія имѣти», хотя, замѣчалъ ревностный пастырь,

(1) Плат. Аванцов. стр. 35.

(2) Тамъ же стр. 42—3.

«жалостно всячески есть, и вѣчная сѣнь воспочиеть на правящихъ святую Церковь нашу, яко и въ самая новѣйшая времена пронице таковой, аще и предшественный, издатель (¹), егда ини противу многихъ несносныхъ препятствій борющеса, выну готови суть величайшая мѣрская богатства за истинную православную вѣру жертвовати» (²). «Сиче стеная, плачетъ бодрый архіерей Божій Евгений», замѣчаетъ при этомъ другой православный буковинскій епископъ, извѣстный уже намъ Платонъ Аванакковичъ,—«плачетъ не ради малодушія и страха за святую свою православную Церковь, сію бо видить основаннѣй быти на камени твердомъ и незыблемомъ, яко вратамъ адовымъ никакоже одолѣти ей; но плачетъ за студъ и поношеніе, за позоръ и уничиженіе, за срамоту и безчестіе толякое! Кто бо видѣ или кто слыша когда такового великаго сановника церковнаго, яко вѣ митрополитъ есть, сиче Вѣрѣ своей, и святительскому рукоположенію, и даже самому христіанскому крещенію поругатися! Кто видѣ или кто слыша архіерея Христова отъ простыхъ неосвященныхъ людиновъ второе миропомазаніе приемоющаго! Плачитесь убо и рыдайте православніи іерарси, яко во священномъ вашемъ сословіи обрѣтесе таковой извергъ! Наипаче же вознегодовати и огорчитися подобаетъ, яко вся сія не въ темномъ коемъ углѣ, не подъ спудомъ тайнаго сткрытія, но на позорищи міра явѣ совершишася, предъ очима инославныхъ Римляновъ и Уніатовъ, Лютерановъ же и Кальвиновъ, имъ же таковое благочестія нашего посрам-

(¹) По Паревнію (стр. 30)—предатель.

(²) Плат. Аванакц. стр. 40.

леніе вину даєть къ злорадному глумленію и посмѣшству объ томъ, яко таковы суть наші православніи архіерей, такова намъ есть православная наша Церковь» (1).

Но кромѣ того, что измѣна Амвросія православію и переходъ его въ расколъ давали неправославнымъ поводъ къ невыгодному понятію о православныхъ греческихъ пастыряхъ, а слѣдовательно и о Церкви, къ которой принадлежалъ прежде Амвросій; появленіе у раскольниковъ лже-митрополита въ лицѣ Амвросія было причиною немалаго и, такъ сказать, положительнаго зла для Церкви православной. Лишь только вѣсть о приобрѣтеніи буковинскими Липованами лже-митрополита разнеслась между раскольниками, отсюду искатели приключеній стали стекаться въ бѣлокриницкій монастырь, чтобы, если не за достоинства, то хотя за деньги прибрѣсть какой—либо священный санъ, которымъ бы послѣ можно было пользоваться, какъ средствомъ къ собранію денегъ чрезъ погубленіе душъ раскольниковыхъ. И вотъ пошла въ Буковинѣ торговля. За деньги Амвросій не отказывалъ никому ни въ какомъ санѣ и, смотря по богатству просителя, производилъ его въ діакона, или во священника, а тѣхъ, кто не жалѣлъ золота, дѣлалъ и епископами. Такимъ образомъ, благодаря щедрому сребролюбію лже-митрополита, раскольничій міръ въ короткое время наполнился множествомъ діаконѡвъ, священниковъ и даже епископѡвъ. «Священство у насъ, писали жители бѣлокриницкаго монастыря къ «усерднымъ о древлеистинномъ благочестіи рачителямъ»,

---

(1) Тамъ же стр. 41—42.

яко Финикъ процвѣте, и яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится» ('). Не оставались равнодушными къ такой щедрости Амвросія и раскольники русскіе, живущіе въ предѣлахъ отечества. Говорятъ даже, что два отъявленныхъ негодя изъ раскольниковъ русскихъ получили отъ Амвросія епископскій санъ, въ которомъ и возвратились въ Россію. Одинъ изъ нихъ по имени Антоній (въ мірѣ—Андрей Иларіоновъ), безпопонецъ поморской секты, былъ экономомъ московскаго преображенскаго кладбища, но за излишнюю экономію, собиравшую деньги въ собственный карманъ, попалъ подъ судъ и слѣдствіе; во избѣжаніе дальнѣйшаго, онъ бѣжалъ, захвативъ съ собою большую сумму денегъ, въ Буковину и купилъ себѣ у Амвросія епископскій санъ. Другой, по имени Софроній (въ мірѣ Стефанъ Трифоновъ), былъ московскій мѣщанинъ, содержалъ въ Москвѣ постоянный дворъ, но, не ограничиваясь продажею сѣна и овса, торговалъ еще бѣглыми попами. Ъдучи однажды съ такимъ товаромъ и замѣтивъ, что у попа много денегъ, Софроній напоилъ его пьянымъ и утопилъ въ Днѣпрѣ, а деньги взялъ себѣ и убѣжалъ въ Буковину. Но, вѣроятно, похищенныхъ денегъ было недостаточно для сребролюбца Амвросія, и Софроній получилъ отъ него епископство не прежде, какъ занявъ еще 100 р. сер. у одного изъ монастырскихъ старцевъ для уплаты лже-митрополиту (*). Какъ ни не-

(') Истин. древн. и истин. прав. Хр. Ц. изд. 2-е, ч. 1, стр. 288.

(*) Иером. Парем. стр. 125—126. Свѣденіе о займѣ Софроніемъ денегъ мы замѣтывали изъ письма того самаго лица, у котораго деньги были взяты и, какъ видно изъ письма, не отданы. Письмо

достойны такіе лже-епископы, однако нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, если они, по возвращеніи въ Россію, нашли себѣ приверженцевъ. Примѣры Епифанія, Аенногена и Анеима показали, что раскольники способны считать за епископа и не такихъ злодѣевъ. Живы ли указанные лже-епископы и гдѣ именно они скрываются, объ этомъ мы не можемъ сообщить никакихъ достовѣрныхъ свѣденій.

(Окончате въ слѣдующей книжкѣ).

это писано на имя какого-то о. Павла. Мы имѣемъ подъ руками копию съ него.